

арт-кино

Легкое дыхание облегчает понимание

Век. Москва. - 1999. - 24 июня. - с. 12

Кира Муратова — наш неореализм, наша новая волна, социальное кино и авангард. Весь гротеск, мука и боль нашей жизни, подводные течения, обманчивая внешность во веки веков пребудут на целлулоиде ее картин.

Игорь МАНЦОВ

Кира Муратова навсегда останется на горных вершинах, где воля свободна, честность безукоризненна, а стиль, форма, киноязык становятся содержанием, что позволяет избежать лобового решения, прямого высказывания и, значит, обмануть любую идеологию — советскую социалистическую или квазибуржуазную российскую.

«Увлеченья» — такой же безусловный шедевр, как «Долгие проводы» или «Короткие встречи», как все прочие ленты самого провинциального режиссера постсоветского пространства. Кира Муратова живет в Одессе. Не тусуется на столичных банкетах. На фестивали приезжает только со своими фильмами. Не в курсе сиюминутных настроений секретарей Союза кинематографистов и прочих административных лидеров, зато в курсе того, что происходит в современном кино. Она знает и любит фильмы финского классика Аки Каурисмяки или позднего Гюдара. Мало кто из столичных режиссеров может похвастать тем же. Впрочем, сегодня в цене невежество.

Кира Муратова — режиссер, за которого не стыдно. На каннской лестнице, на страницах всемирной истории кино, в компании лучших из лучших она не затеряется, не покажется случайной гостьей. Ее фильмы — гордые колоссы и одновременно воплощенная скромность. Муратова называет их «провинциальными мелодрамами». Верит, что движущая сила человеческой жизни — страсть, не верит в прогресс, свои картины скорее любит, чем ценит.

«Увлеченья» — образец муратовского импрессионизма. Что это — легкомысленная глупость, провинциальный маньеризм, шкатулка с секретом, на дне которой скрывается сокровенная мудрость? И то, и другое, и третье. Муратова презирает кино, где с усердием первоклассника режиссер твердит заветную мысль, общечеловеческую идею. С чего он взял, что эта идея имеет смысл? Зачем так много настойчивой целеустремленности? Муратова по-женски непосредственна. Сюжетные линии обрываются, едва начавшись. Переплетение судеб, небрежность диалогов, воздушная ирония, снижение

Кира Муратова: люди не летают

драматизма, необязательность, игра, легкомыслие.

Муратова открыла актрису в сценаристке Ренате Литвиновой. Литвинова манерна, капризна, она — олицетворенная муза этой bestолковой картины. Заламывает руки, твердит свои нелепые монологи: «Меня заботит тема красоты и тема стремления к финалу. Каждый родившийся человек, пусть некрасивый, всегда переживает в своей жизни пик красоты. У некоторых месяцами длится красота, а потом куда-то девается! Но красота всегда стремится к финалу, к самоуничтожению. Лично я не боюсь смерти, а скорее бесмертия. Как объяснить? Меня прямо

уже заранее передергивает от омерзения, прямо передергивает!».

Вот оно что, легкое дыхание Муратовой — не капитуляция перед невыносимой сложностью бытия, но героический стоицизм. Человек смертен, красота преходяща, еще немного — сомкнутся веки, пожухнут цветы, прервется сеанс. Жизнь, по Муратовой, игра любви и случая, шум и ярость, сплетение нелепых деталей и грез, бег иноходца на одесском ипподроме, загадочная метаморфоза с лицом Саши Милашевского: «Он достиг пика красоты в больнице. Он тогда был на берегу моря на прогулке. Сидел на скалке, я оставила его у кустов. Солнце падало ему на лицо, его мучила боль, но его лицо вдруг сделалось так прекрасно! И это, наверное, длилось до самого заката. А на следующий день все прошло, его лицо потемнело, на него легла тень обыденности. Значит, пик миновал, подумала я».

Рената Литвинова, прекрасная и отталкивающая, на берегу моря, в белом халате. Кира Муратова, искренняя, скрытная в меру циничная, возле съемочного аппарата. Она не говорит всей правды, смотрит на жизнь в упор, не отводя взгляда, предлагая сделать то же самое нам.

«Увлеченья», реж. К. Муратова
Воскресенье, 4 июля, РТР, 0.10